

Арина Ларина

Лышка
с характером

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Пышка с характером

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Пышка с характером / А. Ларина — «Эксмо», 2011 — (С улыбкой о любви)

Все мужчины делятся на тех, кто любит полных женщин, и на тех, кто этот факт стыдливо скрывает. Хотя, казалось бы, чего здесь стыдиться? Хорошего человека должно быть много! Маруся Брусникина была, без сомнения, таким хорошим человеком. В ранней молодости она старательно истязала себя диетами, но, став старше и мудрее, поняла, что это бесполезно. Вот только на ее пути все время встречались такие мужчины, которым было неловко признаться, что они мечтают жениться на толстушке. И когда она уже смирилась с тем, что останется вековухой, в ее жизни появился Стас. Не мужчина – мечта: умный, добрый, между прочим богатый. Но оказалось, что мечта-то он мечта, но мечтает о нем не одна Маруся...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арина Ларина

Пышка с характером

Пролог

Маруся Брусникина пыхтела и отдувалась, пытаясь застегнуть «молнию» на сапоге. На глаза наворачивались злые слезы. Ну почему жизнь так несправедлива? Кому-то природа подарила стройную фигурку, для поддержания которой не нужно прилагать усилий, а она должна отложить до лучших времен очаровательные новые сапожки, потому что «молния» на голенище опять не сходится!

Мобильник резко подпрыгнул и задребезжал, медленно двигаясь по полированной поверхности стола. Номер не определился. Поколебавшись, Маруся ответила:

– Слушаю.

– И кара через много лет наступит, и черное возмездие придет, – произнес высокий женский голос.

«Господи, опять», – похолодела Маруся и обессиленно опустилась на стул.

Когда месяц назад раздался первый подобный звонок, она просто повесила трубку, решив, что это обычное детское хулиганство. Но звонки стали повторяться. Через несколько дней неизвестная, каждый раз начинавшая с декламации зловещих стихов, вкрадчиво поинтересовалась, не боится ли Маруся ходить одна по темным улицам. В ее голосе звучало столько ненависти и угрозы, что по позвоночнику прокатилась ледяная волна, а кожа на голове начала зудеть.

«Наверное, сейчас я похожа на бешеного ежика», – подумала Маруся, машинально пригладив короткие светлые волосы.

Однажды телефонная террористка позвонила на домашний номер, прихлопнув, как комара, последнюю надежду на то, что целью наглой бабы является не Маруся, а безадресная порча настроения все равно кому. По имени тетка ее не называла, но легче от этого не становилось. На робкие попытки узнать «че надо-то», звонившая туманно намекала на дела давно минувших дней. Маруся нервничала и перебирала в памяти все свои гадкие деяния, начиная с детсадовского возраста: ни трупов, ни просто покалеченных жертв у нее в анамнезе не было. Тем не менее, передвигаясь по жизненному пути, Маруся не подволакивала за собой ангельские крылья, да и ореол святости, к сожалению, отсутствовал. Копаясь в прошлых ошибках, она вспомнила много людей, кому успела насолить за свою долгую трудную жизнь, начиная с отличницы Моховой, которой Маруся самозабвенно пакостила в первые школьные годы, и заканчивая уволенными в последнее время сотрудниками.

Пару недель ничего страшного не случилось, но несколько дней назад произошло кошмарное событие, едва не стоившее ей нервного срыва. Оставив машину на стоянке, она, как обычно, дождалась очередного автобуса, выплюнувшего из своих недр горстку помятых пассажиров, и увязалась за торопящимися в сторону ее дома согражданами. Народ постепенно отсеивался, сворачивая то вправо, то влево и вселяя в Марусину душу тоскливый страх перед внезапным одиночеством. Наконец на финишной прямой остался лишь один некрупный субъект в вязаной шапочке, с двумя позвякивающими при ходьбе авоськами. До заветной двери оставалось всего ничего, когда дядька вдруг с утробным уханьем исчез из поля зрения, оставив на обледенелом заснеженном асфальте лишь круглую голову в шапочке. Дико взвизгнув, Маруся заметалась, бестолково размахивая сумочкой, поскользнулась и смачно шлепнулась, распластавшись рядом с бесхозной головой. Ощувив непосредственную близость страшных останков, она взвыла, как пожарная машина, и начала отползать. Внезапно голова внятно выругалась,

из-под земли выросли две руки, и все это стало медленно поворачиваться. На окаменевшую от ужаса Марусю уставились два маленьких блестящих глаза.

– Сходил за пивом, – горестно выдохнули останки, обдав ее вполне реальным запахом перегара. – Ноги бы этим дворникам повыдергать! Паразиты! Так ведь и убиться можно! Чего пялишься? Помоги, не видишь – провалился я!

«Люк был открыт, – сообразила она. – Туда должна была упасть я! Значит, все это не просто угрозы...»

Стуча зубами, Маруся за шкирку выволокла пострадавшего дядьку из люка и на ватных ногах поковыляла домой. Ей даже в голову не пришло, что для ее габаритов нужно было бы выкопать как минимум траншею. Она лестила себе мыслью, что запросто может провалиться в люк.

И вот опять этот страшный звонок.

«Может, заявить в милицию? – тоскливо подумала Маруся. – А что я им скажу? На смех только поднимут. Небось ответят, что нет трупа, нет и дела».

Ее давняя знакомая, Лариса, на глазах которой Маруся выросла и с которой у нее, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, сложились какие-то непонятные дружеско-покровительственные отношения, придерживалась того же мнения. Надо сказать, что мнение Ларисы, с кем она была на «ты», продолжало оставаться для Маруси непререкаемо авторитетным. Еще девчонкой Маруся бегала к этой красивой, статной женщине, однажды поселившейся в соседней коммуналке. Лариса всегда была нарядной, завитой, надушенной, что выгодно отличало ее от привычного образа женщины-матери. Ему соответствовало абсолютное большинство современных женщин: талия шире плеч, в руках авоська с продуктами и взгляд загнанной лошади, которой снятся лишь плуг и картофельные всходы. Соседки неодобрительно перешептывались, глядя вслед моднице, гордо цокавшей по асфальту на немислимых шпильках, а Маруся замороженно внимала ее советам и комплиентам. Почему-то ей казалось, будто Ларисе запросто можно рассказать то, что ни при каких обстоятельствах нельзя доверить маме.

– Ты очень красивая девочка, это твой основной капитал, – наставляла ее Лариса, и молоденькая Маруся белым лебедем выплывала из ее квартиры, гордо глядя по сторонам и ощущая на плечах тяжесть королевской мантии.

Мама обычно называла ее криворукой, бестолковой и инфантильной, поэтому позиция соседки нравилась девочке больше. Именно Лариса научила Марусю вставлять поролон в лифчик и первая однажды сказала, что Марусины ноги надо не прятать под бесформенными юбками, а показывать мальчикам. Соседка казалась ей феей, и это ощущение Маруся пронесла через всю жизнь. Даже после того, как Лариса переехала, они продолжали общаться, правда, к огромному сожалению Маруси, в основном по телефону.

– Нельзя в милицию. – Голос Ларисы по-прежнему был молодым и певучим, словно она убаюкивала неразумную девочку, прибежавшую к ней со своими смешными детскими проблемами. – Им нужны факты. А какие у нас факты? Мы только можем по-бабски причитать и охать, ссылаясь на некие странные звонки.

Словно насадка, она накрывала Марусю мягким крылом, и это «мы» придавало запуганной Брусникиной уверенности в том, что тылы надежно прикрыты.

– У тебя есть номер звонившего? – поинтересовалась Лариса.

– Нет у меня ничего. Номер не высвечивается. Даже дома на АОНе сплошные черточки. Прямо наваждение какое-то. Будто я ужастиков пересмотрела на ночь, – вздыхала Маруся.

– Вот именно. Подожди, пока этот хулиган сделает прокол, чтобы не идти в органы с пустыми руками.

– Как бы он на мне свой прокол не сделал, – скаламбурила Маруся, представив себя воздушным шариком, приземляющимся на ржавую канцелярскую кнопку.

– Ты еще и остришь?

Брусникина даже улыбнулась, представив, как Лариса изумленно поднимает идеально выщипанные брови. Все-таки она ужасно соскучилась. Надо бы выбрать время и встретиться.

– Поверь мне, если бы тебе хотели нанести физический вред, то его уже нанесли бы, а так... Глупые детские штучки. История с люком ни о чем не свидетельствует. Под ноги надо смотреть. Люков открытых по всему городу уйма. Думаешь, это такая групповая акция? Нет. Это дворники безмозглые. Рабочий день закончился, крышку бросил и почапал домой: завтра закрою. Неприятно, конечно, но не смертельно. Телефон отключи, и все проблемы решатся. Какой-то психопат развлекается. У них это полосами, потерпи, обострение пройдет, и он переключится на другой объект.

– Это женщина, – напомнила Маруся.

– Какая разница? Больной, он и есть больной.

Излив душу Ларисе, Брусникина почувствовала себя лучше. Правильно говорят: раздели горе с близким человеком, и оно уменьшится вдвое.

Тонкий капрон попал под острие замка, и по колготкам немедленно побежала стрелка. Маруся повернулась к столу, чтобы схватить клей и предотвратить надвигающуюся катастрофу, но от ее резкого движения дыра приобрела критические размеры, и стало непонятно, чего больше: капрона или голой ноги. И как ехать домой в подобном виде? Ну за что ей такое наказание?

Если колготки не цеплялись за что-нибудь, то обязательно рвались под натиском мощного Марусино тела. А брюки она носить не могла. Прошлым летом, решив придать своему облику некую новизну, Маруся сшила на заказ симпатичные бриджи и явилась в них на работу. Первые полдня она просто не могла оценить масштабы бедствия, поскольку безвылазно просидела в отделе кадров. Ее выход на обед произвел настоящий фурор. Сотрудники повеселились и получили повод для сплетен на остаток дня. Маруся была довольна нарядом, потому и не замечала косых взглядов, тем более что в лицо ей никто своего мнения не высказывал. Учитывая Марусино положение, ее побаивались. Драма произошла к концу дня.

На собеседование заявился невыносимый мужик. Резюме он не принес, гордо сообщив, что все о себе сам. Сначала Маруся честно пыталась его выслушать, но с первой же фразы «я могу все», потеряла к нему интерес и стала обдумывать, как бы ему поинтеллигентнее отказать. Обижать людей она не любила и всегда старалась смягчить отказ. Умелец тем временем пел себе дифирамбы, названия организаций, в которых он работал, сыпались из него как горох, из чего можно было сделать вывод, что его отовсюду гнали, потому, собственно, он и успел отметить в половине фирм города. Странно было одно – как он умудрялся туда устроиться. Отрекомендовав себя специалистом широкого профиля, он стал перечислять профессии, которыми владел. Получалось, что он не мог только принимать роды и вышивать крестиком, и то лишь потому, что просто еще не пробовал. Маруся решила пресечь его выступление, сообщив, что в данный момент такой замечательный профессионал, к сожалению, не требуется. Им нужен помощник сисадмина.

– Чего? – не понял мастер на все руки.

– Сисадмин не справляется, и ему необходим помощник, – терпеливо пояснила Маруся.

– Еврей, что ли?

– Почему? – удивилась она неожиданному вопросу.

– Фамилия еврейская!

– У кого?

– У мужика! Да ладно, чего там. Если будете хорошо платить, то я согласен. Помогу ему. Маруся едва не расхохоталась.

«Интересно, как он собрался работать, если даже не знает, кто такой сисадмин?»

– Сисадмин – это не фамилия, а должность.

– Ну и хорошо, – подвел итог «специалист». – С зарплатой решим, и по рукам.

– Вы понимаете, – попыталась его образумить Маруся, – там необходимо не просто знание компьютера. Опытный программист нужен!

– И чего? – обиделся мужик. – Раз он умеет, то почему же я не смогу? Чем он лучше? Или на ваш вкус у меня лицо глупое?

Маруся напряглась и вгляделась в посетителя в поисках признаков безумия. В целом он выглядел нормально. Если бы не бред, который он тут озвучивал, то вполне сошел бы за добропорядочного гражданина. Она встала и осторожно двинулась к двери. Лето, жара... Вполне могло случиться, что к ней заявился шизофреник с обострением. Надо кого-нибудь позвать на всякий случай.

И тут дядька выдал:

– Я и стилистом работал в одной фирме. Могу дать бесплатный совет: с такой кормой ходить в брюках – народ потешать.

– Что? – Марусе показалось, что она ослышалась.

– Я говорю, жир свой под юбкой надо прятать, а не в брюки втискивать! – внес ясность «специалист широкого профиля».

Маруся чуть не расплакалась. Нет, она не считала себя стройной газелью, по габаритам ее фигура скорее напоминала одноименный автомобиль. Маруся четко понимала, что полнота выглядит уже нездоровой, но все усилия вернуть хотя бы намек на талию были напрасными. Просто так откровенно и по-хамски ей об этом еще никто не сообщал. Ужасно. Слезы готовы были брызнуть из глаз несчастной толстушки, но Маруся твердо решила, что не доставит наглецу удовольствия.

– Собеседование закончено, до свидания! – Она открыла дверь, приглашая кандидата на выход.

– Еще пожалеешь, такие специалисты на дороге не валяются, – пробухтел дядька, протискиваясь мимо нее.

Маруся молча захлопнула дверь, повернула ключ и расплакалась.

Когда-то юной девушкой она гордилась своей стройной гибкой фигуркой и презрительно думала, глядя на бесформенных мамаш: «Как можно настолько за собой не следить? Наличие детей и домашних проблем еще не дает женщине права перестать быть женственной. Неужели сложно начать утро с зарядки и сесть на диету? Отвратительные толстые бабищи, как их мужики-то терпят?»

Молодости свойственен максимализм. Теперь тридцатичетырехлетняя Марина Игоревна Брусникина, начальник отдела кадров небольшого бизнес-центра, стыдилась садиться в присутственных местах, поскольку занимала почти два стула. Боялась наступления лета, когда приходилось оголять все то, что удавалось скрывать зимой. Да и жару полные люди переносят тяжело. Маруся была постоянно мокрая, как мышь после неудачного заплыва, и ужасно стеснялась. Никакие хваленые дезодоранты не помогали. Одежда, которую она покупала, походила на автомобильные чехлы. Ей становилось невыносимо стыдно в магазинах, когда молоденькие продавщицы, принеся очередную юбку размером с парашют, громко сообщали:

– Она вам точно подойдет, самый большой размер!

Наверное, это наказание за грехи молодости.

Глава 1

Бывшая Страна Советов маялась под гнетом последних десятилетий XX века. Жизнь швыряла людей по синусоиде, то заваливая прилавки ранее недоступными западными достижениями технической и текстильной промышленности, то лишая всего и выдавая карточки на крупу и сахар. Экономическая нестабильность вкупе с волнующим словом «перестройка» будоражила незрелое сознание молодежи ощущением свободы и вседозволенности.

Именно в этот сомнительный период то ли упадка, то ли расцвета нашей истории Марусю угораздило заканчивать институт и отправляться в самостоятельное плавание.

На одной из студенческих вечеринок она познакомилась с Виктором. Общительная симпатичная хохотушка со стройной фигуркой, высокой грудью и пушистой светлой косой никогда не страдала от отсутствия кавалеров, но Витя был особенный. Пришло время любви, и Маруся не устояла. Он ничего не скрывал, не обещал и не обманывал. Молоденькую влюбленную девочку не смущало кольцо на пальце, это было даже пикантно – встречаться с женатым мужчиной. Наличие где-то там семьи и ребенка не казалось ей препятствием для развития романа. Витя рассказывал о себе, замечательно острил и очень красиво, по-взрослому ухаживал. А еще он умел жаловаться на жизнь, да так, что сердобольная Маруся иногда даже плакала потом дома, вспоминая Витюшины мучения. Бедняга женился на нелюбимой женщине насильно, поскольку барышня была беременна, и теперь Витя как честный человек должен был жить с этой Вероникой и растить навязанного ему ребенка. Если бы Маруся была постарше и поопытнее, то лишь посмеялась бы над неправдоподобным рассказом и резонно спросила: а откуда ж беременность у нелюбимой-то нарисовалась, уж не ветром ли надуло? Но Маруся молча обожала своего кавалера и принимала все на веру.

Виктор был взрослый. Не мальчишка, не студент с параллельного отделения, а именно взрослый мужчина. Когда он встречал Марусю после лекций, она небрежно прощалась с девочками, гордо посматривая по сторонам, – все ли видят, кто к ней пришел, – и величественно удалялась, взяв его под руку и ощущая спиной завистливые взгляды подруг.

Это было началом настоящей жизни. Сопливые кавалеры, водившие ее в кино, робеющие при прощании и не умеющие целоваться, не шли ни в какое сравнение с этим потрясающим парнем. Ухажеры, поняв бесперспективность борьбы за Марусю, моментально сдали свои позиции, и только Антон не желал признавать поражение.

Они дружили еще со школы. В седьмом классе первого сентября он подошел к ее парте, молча перенес портфель подруги Динки на соседний стол и сел рядом. Маруся видела, как покраснела его шея под взглядами одноклассников, как он сердито сжал кулаки, когда драчун Виталик, выскочив к доске, завопил «тили-тили-тесто, жених и невеста». Она уже предвкушала драку и млела от восторга, что это будет битва за нее, но Антон неожиданно встал и насмешливо произнес:

– Когда ж ты вырастешь-то? Детский сад на выезде... Женщин можно не только за косички дергать!

Фраза прозвучала непонятно, но волнующе. Все притихли, с уважением глядя на ново-явленного рыцаря. Лишь Маруся знала, что после победного выступления он спрятал под стол трясущиеся руки. Ей льстило внимание Антона. Он демонстративно ухаживал за ней: приносил еду в столовой, подавал пальто, таскал портфель и провожал после школы. Они находились в центре внимания. Через пару месяцев весь класс разбился на пары, и про них забыли. Никто не показывал пальцем, не дразнил и не завидовал.

Антон был очень способным, учителя хвалили его, и он всегда решал два варианта задач: сначала Марусин, потом свой. За ней он и пошел в институт.

Они даже ни разу не целовались. Со временем Марусе надоело его молчаливое обожаение. Рядом крутились симпатичные парни, на фоне которых худой, немного сутулый Антон сильно проигрывал. На студенческих вечеринках он молча сидел рядом, почти не пил и скупно улыбался шуткам других. Антон перестал быть кавалером, перейдя в категорию верного оруженосца. Неизвестно, устраивала ли его такая роль, но попыток изменить ситуацию он не предпринимал. Когда Маруся уходила с очередным ухажером, Антон мрачнел, но дуэлей не устраивал.

Виктор стал первым, с кем тихий верный Марусин оруженосец начал выяснять отношения. Мужской разговор перешел в банальную потасовку, победителем из которой вышел Витя. Он легко опрокинул Антона на асфальт и наставительно произнес:

– Не груби старшим!

Маруся восторженно рассмеялась удачной шутке и ушла с героем поединка. Основательно помятый и перепачканный, Антон сидел на асфальте и тоскливо смотрел вслед удаляющейся парочке.

После этой сцены в Марусиной душе пустил корни собственнический инстинкт. Виктор в роли кавалера ее уже не устраивал. Он должен был стать ее мужем. Мысль, что Виктор каждый вечер ложится в постель с чужой женщиной, как гусеница-вредитель подтачивала Марусино спокойствие.

Ей страстно хотелось счастья себе и возлюбленному. Но как освободить его от уз? Маруся задумала встретиться с Вероникой и решить вопрос любовно. Ей казалось, что та поймет ее как женщина женщину и отпустит мужа. Видимо, в голову юной освободительнице ударили все любовные романы, которые она успела проглотить на тот момент. Про красивую любовь юная студентка читала запоем, поэтому свои с Виктором отношения представляла исключительно в розовом свете. Ненавистная разлучница замечательно вписывалась в канву истории и лишь придавала остроту отношениям. Конечно, правильнее было бы посоветоваться с многоопытной Ларисой, но та, как на зло, укатила на юг. А идти с подобной проблемой к маме было просто невыносимо. Если Лариса могла дать простые и лаконичные рекомендации, то результатом беседы с мамой стал бы домашний арест. И это в лучшем случае.

Где жил любимый, Маруся не знала, поэтому однажды, когда он проводил ее домой после очередной романтической прогулки, она, таясь за деревьями, двинулась за ним следом. Со стороны это выглядело анекдотично. Штирлиц шел по Берлину и не понимал, что выдает в нем советского разведчика: фуражка со звездой или парашют, волочащийся сзади. Маруся, как бешеный заяц, скакала от куста к кусту и пугала припозднившихся прохожих. К счастью, Виктор жил недалеко и домой шел пешком. Если бы любимый сел в трамвай, то вряд ли Маруся смогла бы догнать его. Дом оказался через пару кварталов. Покурив перед входом и тщательно осмотрев одежду, Витюша скрылся в подъезде. Маруся открыла рот и задрала голову, пытаясь вычислить квартиру. Но в доме горели почти все окна, поэтому шпионский трюк не удался, и она, записав адрес на проездном, побрела домой.

На следующее утро Маруся уже была на месте. Решив порасспрашивать о Веронике соседей, она стала топтаться у двери, поджидая какую-нибудь словоохотливую бабульку. Бабульки пока спали. Чирикали птички, ласково шуршала листва, где-то неподалеку вопил то ли кот, то ли голодный младенец. Из раскрытых окон доносились отзвуки бурной семейной жизни.

Грохнула ручка металлического ведра, и об пол чавкнула мокрая тряпка. Мужской баритон тихо прокомментировал:

– Вот, чтобы ходить по чистому полу, я вынужден сам его мыть! Почему? Я мужчина, это обязывает и дает определенные права! Мое место у руля, во главе производства, на худой конец, во главе лаборатории.

– Что ты там про худой конец, милый? – донеслось из глубины дома. – Список продуктов на столе. Сегодня я хочу что-нибудь экзотическое. И не забудь пропылесосить. У меня совещание, я задержусь. Чао!

– Не волнуйся. Я буду без тебя скучать. Не забудь оставить деньги!

Послышался смачный звук поцелуя, хлопнула дверь. Баритон прошипел:

– У нее совещание! Фу-ты ну-ты! А я тут крутись весь день, как белка в колесе.

Мимо Маруси, обдав запахом нежных духов, пробежала маленькая брюнетка и скрылась за углом дома.

Где-то догорал вчерашний скандал:

– Опять зарплату не принес! Где деньги?

– Где деньги, где деньги... Ты не можешь любить бескорыстно? Зачем тебе эти грязные бумажки? Где высота чувств?

– Щас тебе будет высота, щас ты у меня по потолку, как муха, побежишь! Колька вчера зарплату принес, а тебе что, не дали?

– Да ты что, Колька принес? Не может быть! Пойду узнаю!

– Стоя-а-а-ать!

В соседних подъездах хлопали двери, из нужной же никто не выходил.

«Сплошные тунейдцы», – вздохнув, подумала Маруся.

В этот момент дверь со скрипом открылась, но вместо ожидаемого «божьего одуванчика» появилась здоровенная тетка в цветастом халате с алюминиевым тазом в руках. На коротких толстых ногах были пластиковые тапочки с огромными ромашками. Тапочки звучно шлепали тетку по голым пяткам и норовили свалиться. Чтобы не потерять свою роскошную обувь, она подволакивала ноги, шаркая подошвой об асфальт. В тазу горой высилось разноцветное белье. На шее, как бусы из зубов поверженных врагов у вождя индейского племени, пестрели разнокалиберные прищепки. Тетка была смурная, шла как танк, набычившись, и чуть не затоптала Марусю.

– Чего встала? – не приветливо рыкнула аборигенка.

– Ой, – радостно заулыбалась Маруся, – вы из этого подъезда?

– Нет! В гости ходила, вишь, при полном параде домой прусь!

– Извините, – пролепетала Маруся, с сомнением оглядев облачение тетки. Нижняя пуговица на халате была вырвана с мясом, и при ходьбе пола откидывалась, обнажая толстые складчатые коленки.

– Чего пялишься! – Бабища ловко перехватила таз другой рукой. – Пошутила я. Не дошло?

– А-а, – мелко затрясла головой Маруся. – Дошло, дошло!

– Ищешь-то кого?

Вспомнив, что женщина всегда поймет женщину, Маруся решила взять тетку в союзницы и рассказать свою трогательную историю. Союзница внимательно слушала ее душещипательную историю, поставив таз на землю, согласно кивала и прижимала руки к огромной груди, демонстрируя сопереживание. Когда Маруся закончила свое романтическое повествование словами «и если бы Вероника отпустила на волю его сердце, то наша любовь расцвела бы, как роза», тетка нетерпеливо спросила:

– Все?

– Да, представляете, как иногда случается?

– Ну, – протянула тетка, – отчего ж не представлять. Мой кобель тоже гульнуть не дурак!

Некоторое время она еще рассматривала Марусю, а затем, подняв голову, гаркнула так, что стая ворон в ужасе с заполосным карканьем снялась с раскидистой березы и перебазировалась в соседний двор:

– Верка-а-а! Слышь, че скажу... Ну-ка выглянь! Верк! К твоему мужику полюбовница пришла! Собирается тут у вас под окном розой цвести! Слышь? Выходи удобрять! – Радостно заготовав, тетка легко подхватила таз и пошла к веревкам, натянутым между деревьями.

Маруся сжалась под взглядами высунувшихся в окна жильцов. Жизнерадостная тетка, развешивавшая белье, периодически оборачивалась, боясь пропустить что-нибудь интересное. Чуткие граждане приготовились к концерту, некоторые, судя по звукам, даже подтаскивали к подоконникам стулья, надеясь поразвлечься с комфортом.

Металлическая дверь лязгнула, выпустив еще одну мощную тетку, летевшую как снаряд. Она была почти копией первой, только халат короткий, шелковый, веселенькой павлиньей раскраски, и в руках вместо таза сковорода. Так в анекдотах встречаются пьяных мужей, а не начинают разговоры о любви и прочих высоких материях. Маруся сделала правильные выводы и на предельной скорости рванула прочь под одобрительные крики жильцов. Со стороны картина выглядела как бег на длинную дистанцию на стадионе: присутствовали и бегуны, и горластые болельщики. Болели в основном за обманутую жену. Но худенькая Маруся оказалась более спортивной, тетка пыхтела, безнадежно отстав. Наконец поняв, что проигрывает, Вероника с утробным вскриком метнула сковороду вдогонку разлучнице и завопила:

– Ежели у этого паразита каждая роза под окнами цвести намылится, никаких удобрений на вас не хватит!

Сковорода с жалобным звоном подпрыгнула на асфальте и затихла, не долетев до жертвы.

Маруся бежала до самого дома. Взлетев на шестой этаж, она нажала кнопку звонка и ворвалась в квартиру, оттолкнув маму, открывшую дверь. Заперев все замки и накинув цепочку, Маруся подкралась к окну и трусливо выглянула из-за занавески. Под окнами передвигались вполне цивилизованные сограждане. Похоже, угроза миновала. Маруся упала на кровать и закрыла глаза. Организм все еще потряхивало от пережитого ужаса.

– Мариша! – послышался мамин голос. – Что случилось?

– Дверь никому не открывай, к телефону меня не зови, – попросила Маруся.

Поскольку для мамы ситуация не прояснилась, она присела на кровать рядом с мелко дрожащей дочерью и внимательно оглядела ее:

– Давай, говори, в чем дело? Кто тебя обидел? К тебе кто-то пристал, сказал что-то нехорошее?

– Мама, – округлила глаза Маруся, – чего ты со мной разговариваешь, как с умственно неполноценной? Я взрослая женщина, мне двадцать два года!

– Ну хорошо, тогда поясни, что случилось со взрослой женщиной.

– Я его люблю, – всхлипнула Маруся, – я без него жить не могу, я без него вообще задыхаюсь! Он несчастный человек, его лишили будущего...

– Он, он... Кто такой «он»? – напряглась мама. – Ты ничего мне не рассказывала.

– А теперь рассказываю! – тоскливо выкрикнула Маруся.

И действительно выложила все, расцветив свое грустное повествование романтическими деталями. В ходе введения мамы в курс дела она периодически увлекалась описанием бесподобной внешности и редких душевных качеств возлюбленного, но мама бдительно прерывала поток дифирамбов и возвращала дочь к основной теме. Когда Маруся закончила, Валентина Макаровна растерялась. Дочь никогда не давала родителям поводов для расстройств. Она была нормальной девочкой, не пила, не курила, не гуляла, хорошо училась. Поэтому последние события были для мамы как гром среди ясного неба: у ее дочери кавалер – женатый мужчина, с ребенком! Немало повидавшая на своем веку, Валентина Макаровна не могла не понимать, что у этих отношений весьма сомнительное будущее. Где и кем работает Виктор, на что живет, сколько лет его ребенку – ничего этого Маруся не знала.

– Мама, как ты не понимаешь? Мы любим друг друга. Ты задаешь вопросы с меркантильным подтекстом. Какая разница, сколько он зарабатывает? Ты что, никогда не слышала поговорку «с милым рай в шалаше»?

– В шалаше, Мариш, зимой попа замерзнет, – заметила мама, размышляя, как привести в чувство свихнувшуюся дочь.

Вроде бы достаточно взрослый человек, но абсолютно инфантильна. Валентина Макаровна чувствовала себя сапером на минном поле: один неверный шаг, и они с дочерью станут непримиримыми врагами. Тогда мать уже не сможет контролировать события и не сумеет уберечь Маришу от ошибки. Сейчас она стояла перед выбором: либо вмешаться и повернуть ситуацию в нужное русло, или, как добрая подруга, кивать головой и поддакивать, чтобы просто быть в курсе происходящего.

– Марин, ты хоть понимаешь, что не имеешь права вмешиваться в чужую жизнь? Ты взрослая девочка, у Виктора ребенок.

– Да знаю я! Ну и что? Витя – порядочный человек, он будет выплачивать алименты. Не вижу проблемы.

– Но ребенок ведь не знает про алименты! Ему нужен отец. Ты ломаешь семью, калечишь чужую судьбу. Вполне может быть, что ради своей прихоти ты обрекаешь жену Виктора на одиночество.

Маруся подобралась и настороженно посмотрела на мать:

– Ты считаешь любовь прихотью? Ты никогда не любила! Меня не интересует серая жизнь, подсчет расходов в блокнотике. Я не хочу полжизни копить рубли, чтобы к старости купить в области развалюху и заниматься еженедельным мазохизмом, копаясь в грядках. Жить надо ярко, красиво. Жить надо сегодня, а не откладывать на потом. Тебя волнует его жена? Ты бы видела это толстозадое чудовище! Она бежала за мной со сквородкой! Она же старая, почему Витя должен жить с ней, если рядом есть я и я люблю его?

Валентина Макаровна покраснела. То, что говорила Маруся, было жестоко. Видимо, подсознательно дочь хотела задеть ее, намекнуть, что не одобряет образ жизни родителей. Вот он – антагонизм поколений. Действительно, они долго себе во всем отказывали и копили на маленький участок. Покупка домика в деревне в двух часах езды от города была для них с мужем сладостной мечтой на протяжении пятнадцати лет. Сколько было радости, когда возделенная развалюха с огородиком наконец-то стала их собственностью. Маруся, увидев кособокое строение и заросший бурьяном участок, лишь презрительно фыркнула. Отныне все выходные супруги проводили на грядках, ухаживая за незатейливыми посадками. Домик покрасили, подремонтировали крылечко и поменяли шифер. Игорь Борисович, Марусин отец, собственноручно выпиливал лобзиком новые резные наличники. Дочь на дачу не ездила, ссылаясь на обилие комаров и абсолютное отсутствие бытовых удобств. Дома это не обсуждалось, но, оказывается, Маруся просто презирала те маленькие радости, которые для родителей являлись смыслом жизни. Желая ударить побольнее, дочь даже упомянула о блокнотике – в него супруги скрупулезно записывали каждую потраченную на хозяйство копейку. Но, наверное, самое обидное то, что Маруся назвала старой эту незнакомую женщину, которая, безусловно, намного моложе Валентины Макаровны. Кем же дочь их считает? Отжившими свое стариками? Мать не чувствовала себя старой, наоборот, стала модно одеваться, сделала молодежную стрижку, покрасилась в ярко-каштановый цвет, и вот такой удар... Похоже, она слишком сильно задела дочь, если та не пожалела и больно ударила в ответ.

«Неужели мы неправильно воспитывали ее? – в ужасе думала Валентина Макаровна. – Откуда в ней такой эгоизм? Как теперь ей объяснить, что нельзя сбрасывать со счетов других людей, судьба всегда найдет возможность воздать каждому по заслугам. Что ни говори сейчас, все будет для нее пустым звуком, она занята лишь своими переживаниями».

Мама выбрала единственно верный, на ее взгляд, путь: она не стала обижаться на взъерепенившуюся Марусю, а предложила привести в дом Виктора, чтобы познакомиться. Решила, что сама выяснит все подробности. Допустить, чтобы Маруся жила в шалаше, Валентина Макаровна не могла. Надо искать общий язык с кавалером. Вряд ли мужик действительно собирается уходить от семьи, тем более если там ребенок. Скорее всего, захотел гульнуть, задурить голову девчонке, а потом бросить. Такой поворот событий вполне устроил бы дальновидную маму.

«Надо с ним договориться», – решила Валентина Макаровна и предложила Марусе организовать встречу на высшем уровне. Дочь отнеслась к предложению настороженно.

– Зачем тебе с ним знакомиться? Что ты задумала? Не держи меня за дуру, мам!

– Маруся, ты что? – невинно захлопала глазами Валентина Макаровна. – Если вы собираетесь жить вместе, то, наверное, поженитесь. Ты приведешь его в дом в качестве жениха, чтобы позднее он мог официально сделать тебе предложение. Женихов принято знакомить с родителями, ты что, не знала?

– Мы пока про свадьбу не думали, – неуверенно произнесла Маруся. – Сейчас в моде гражданский брак.

– Мода, мода... Какие глупости! – не сдавалась мама. – А как же белое платье, машина? Ой, я хочу, чтобы у тебя был шлейф. И мы обязательно закажем «Чайку». Это так романтично!

Маруся купилась на обещанную мишуру, глазенки у нее заблестели, и она принялась активно обсуждать, где шить платье и какой фасон выбрать. Валентина Макаровна поддерживала восторженный монолог счастливой девочки и с изумлением думала о том, какая же, в сущности, Марина еще маленькая. Нет, не глупая, а именно маленькая доверчивая девочка. Может, зря они с отцом оберегали дочь от грязи и обыденности жизни? Как теперь отпустить ее? С таким же успехом можно высадить под дождь и ветер нежный оранжерейный цветок и ждать, что он не завянет.

«Что мы наделали? – с тоской подумала Валентина Макаровна. – Как теперь исправлять свои педагогические ошибки?»

Маруся тем временем продолжала щебетать и размахивать руками, описывая фасон будущего свадебного платья. Раздался телефонный звонок, она сразу сникла и беспомощно взглянула на мать.

– Меня нет, – умоляюще прошептала Маруся.

– Для кого? – уточнила Валентина Макаровна.

– Ни для кого! – заявила Маруся и рухнула на кровать, зарывшись лицом в подушку.

– Алло! А Мариночки нет... Кто ее спрашивает? Может, что-нибудь передать? – В мамин голосе было столько меда, что Маруся подняла голову.

– Скоро будет. Приходите, подождете ее здесь! – Маруся вскочила с кровати и понеслась в коридор.

Мама стояла, прислонившись к стене, и усмехалась. Маруся стала корчить страшные рожи, требуя немедленно объяснить, кто звонит. Мама лишь покачала головой и отвернулась. Тогда дочь схватила с трюмо карандаш для губ и размашистыми красными буквами намалевала на зеркале: «Кто это?» Родительница осуждающе постучала себя по лбу, выражая крайнюю степень сомнения в ее умственных способностях, и продолжала вежливо говорить:

– Очень даже удобно! Мы всегда рады гостям. Оставьте эти церемонии.

Она отодвинула наседавшую на нее Марину и попыталась отобрать у юной художницы орудие труда. Мариша норовила прижаться ухом с другой стороны трубки, чтобы услышать хоть что-нибудь. В результате она оступилась и шлепнулась на пол, подмяв под себя Валентину Макаровну. Та вскрикнула и сделала «ход конем», радостно сообщив трубке:

– А вот и Мариночка вернулась, позвать ее?

Маруся кряхтела на полу, осматривая повреждения. Больше всего пострадала пятая точка, но как она ни изворачивалась, оценить масштаб урона не получалось. Изогнувшись, Маруся старалась заглянуть себе за спину, поэтому ее «алло» прозвучало по-стариковски глухо и хрипло. На том конце провода был Виктор.

– Марина? – на всякий случай уточнил он.

– Мне больно, – решила разжалобить кавалера Маруся.

– А уж мне-то как больно! – злобно сообщил кавалер вместо ожидаемого присюсюкивания.

Решив, что Виктор имеет в виду душевные муки, Маруся почувствовала себя виноватой и на всякий случай всхлипнула.

– Нам надо поговорить, – сурово продолжил он, не поддавшись на провокацию.

– Приходи к нам, – неуверенно произнесла Маруся, вопросительно глядя на маму.

Валентина Макаровна уже поднялась с пола и старательно отряхивалась перед зеркалом, не глядя на дочь. Она сильно ударилась и очень сердилась.

– Сейчас буду, – процедил Витя.

– Ма, – тихо сказала Маруся, – он сейчас будет.

– Вот и хорошо.

– Ты же сама хотела познакомиться...

– И что дальше?

– Надо бы стол накрыть, приготовить что-нибудь.

– Так давай, дерзай! – Мама рассматривала ушибленный локоть.

– Чего приготовить-то? – грустно спросила Маруся.

– Что хочешь, – усмехнулась мама и ушла в комнату.

Глава 2

Маруся не знала, что приготовить, поскольку кулинарный опыт у нее был минимальный: макароны, яичница, вареная картошка. Посмотрев на продукты в холодильнике, она повеселела. Из имевшегося набора можно сделать бутерброды. Порезав хлеб, Маруся порубала колбасу и сыр. Помня, что кусочки должны быть тонкими, она попыталась нарезать их красиво, но колбаса состругивалась неровными ошметками, а сыр прилипал к ножу и мялся. Что ж, толстые куски вкуснее. Масло на бутерброды не мазалось, и Маруся тоже порезала его кусочками. Мамины бутерброды выглядели иначе. Она даже не ожидала, что приготовление сэндвичей такой сложный и трудоемкий процесс.

«Для первого раза не так уж плохо», – подумала Маруся, украшая кособокие сооружения из продуктов кусочками помидоров и огурцов.

С огурцами все оказалось просто, а с помидорами возникла заминка. Резались они криво, сок немедленно вытекал, и аккуратный круглый овощ на глазах превращался в бесформенную кашу. Заляпав весь стол, Маруся наконец закончила создание кулинарных шедевров.

Валентина Макаровна решила, что для дела будет полезнее наступить на собственную гордость, и, перестав дуться, вышла на кухню. На красивом хрустальном блюде высилось нечто. Соседка по даче, державшая свиней, обычно высыпала им в корыто именно такие неопознанные куски пищи. Необычайно гордая Мариша стояла рядом и победоносно смотрела на мать.

– Ну как?

– Что «как»? – в замешательстве воскликнула Валентина Макаровна. Она сразу поняла, о чем речь, но не сообразила, как реагировать. Уж больно жутко смотрелось месиво на блюде.

– Я стол накрыла, – пояснила Маруся.

Едва мама открыла рот, чтобы предложить свою помощь, заверещал дверной звонок.

– Ох, – побледнела новоявленная невеста, – это он!

– Это он, это он, ленинградский почтальон, – продекларировала Валентина Макаровна, двинувшись в коридор.

Маруся струсила и побежала в свою комнату. Мама вернулась, молча цепко схватила ее за руку и потащила к дверям.

– Откроешь сама, – прошептала она, – я потом выйду, чтобы кавалера не смущать.

Разумеется, Валентина Макаровна прекрасно понимала, что сцена сейчас разыграется отнюдь не романтическая. Реакция мужа, к жене которого приходила молодая любовница, была вполне предсказуемой. Она очень рассчитывала, что произойдет судьбоносная ссора, хорошо бы с рукоприкладством, после чего все проблемы решатся сами собой. А бутерброды, которые вдохновенно наваяла дочь, они съедят уже без жениха.

Маруся открыла дверь и, отступив, тревожно посмотрела на любимого. Тот молча шагнул в квартиру и закрыл за собой дверь. Маруся мышью метнулась к вешалке и подала папины тапочки. Виктор все так же в тишине переобулся и мельком глянул на свое отражение. «Похоже, в этой семейке маются похмельными кошмарами, – усмехнулся он, заметив на зеркале кровавую надпись «Кто это?» – Видимо, папаша, уходя на работу, оставляет подобные послания в надежде, что к вечеру кто-нибудь напишет ответ». Виктор еле сдержал смех, представив, что если он сейчас, увидев свое отражение, честно напишет «Это Витя», то глава семьи может и свихнуться, сопоставляя свое лицо с чуждым ему именем. Настроение немного улучшилось. Но то, что устроила Верка после визита этой чокнутой малолетки, круто меняло всю его жизнь. Вероятно, на сей раз его окончательно выгонят из дома. Уладить по-тихому, как обычно, не получится, все соседи оказались в курсе визита «юной розы» и последовавшей за этим внутрисемейной разборки.

Квартира принадлежала жене, Виктор был прописан в общежитии, причем формально. В той комнатухе числилось еще человек двадцать, так что фактически пару часов назад Витя стал бомжем. Нет, он, конечно, мог вернуться в поселок к матери, откуда много лет назад уехал покорять Северную столицу, но только в самом крайнем случае. Вопрос с жилплощадью нужно решать немедленно. Судя по всему, Маруся живет с родителями, следовательно, первостепенная задача – понравиться ее предкам. Витя не был подлецом, во всяком случае, не считал себя таковым. Когда он познакомился с Марусей, никаких материальных планов на ее счет он не строил. Девочка ему просто понравилась внешне, а почему не взять то, что само просится в руки? Это была не любовь, а обычная симпатия, небольшое приключение. Кто ж знал, что все так повернется? Она молоденькая, симпатичная... Почему бы не поменять хамоватую, расплывшуюся после родов Веронику на свеженькую интеллигентку? С дочкой он может встречаться по выходным, если Верка не будет чинить препятствий, ну а если не позволит, то так тому и быть. Виктор внимательно посмотрел на съезжившуюся Марусю и ободряюще потрел ее по щеке. Девушка оживилась, зашебетала и потянула его в кухню.

Валентина Макаровна, поняв, что скандала не будет, расстроилась. Ситуация развивалась по неизвестному сценарию.

– Тебе чай, кофе? – заискивающе заглядывая Виктору в лицо, лебезила Маруся.

– Кофе.

– Сейчас, сейчас, – бестолково суежилась она.

Единственное, что у нее получилось безупречно, – зажечь газ. Маруся дернулась за праздничными чашками, стоявшими на верхней полке, но вдруг вспомнила, что на правой ноге носок в районе большого пальца порвался, а чтобы достать чашки, придется снимать тапочки и залезать на стул. Решив, что можно обойтись без праздничного сервиза, она трясущимися руками шлепнула на стол угрожающего вида пол-литровые кружки. Блюдца соответствующей расцветки почему-то отсутствовали, и Маруся, плохо соображая, что делает, поставила две суповые тарелки. Не успел проголодавшийся Виктор, которому жена не дала даже позавтракать, порадоваться, что его покормят супчиком, как Маруся с гостеприимной улыбкой плюхнула в тарелки неаккуратные бесформенные куски, отдаленно напоминавшие бутерброды, сделанные в темноте при помощи «топора».

– А что, – осторожно спросил кавалер, – мы кофе из этих тазиков будем пить?

Маруся удивленно посмотрела на него и неожиданно вскрикнула:

– Витя! Что у тебя с глазом?

– Тебе спасибо, – хмуро ответил он.

– Мне? – растерялась Маруся. – Почему мне?

– Потому что по твоей милости Верка меня избил!

Она долго переваривала услышанное, потом, так и не осознав до конца, что же это такое было, наивно поинтересовалась:

– В каком смысле избил? Это у тебя аллегории такие?

Виктор протяжно застонал и рявкнул:

– Мой фонарь похож на аллегорию?

– Она ударила тебя по лицу? – охнула Маруся, сведя брови в страдальческий домик.

– Да, и не только по лицу! У меня все тело болит.

– Она могла, – задумчиво протянула Маруся. – Твоя жена такая неженственная, такая...

Но поднять на тебя руку! Ужасно!

Ее глаза наполнились слезами, и она села на стул, не обращая внимания на свистящий чайник. Дав последний гудок, чайник выплюнул свисток и угрожающе забулькал, подрагивая крышкой.

– Марина! – Виктор дернул ее за рукав, отвлекая от трагических размышлений. – Я кофе хочу.

Маруся, скорбно сгорбившись, прошаркала к полкам за кофейной баночкой, и, взяв первую попавшуюся ложку, которая оказалась столовой, щедро зачерпнула растворимой кофейной пыли. Бухнув первую ложку, она машинально зачерпнула вторую, но Виктор бдитительно схватил ее за руку и сообщил, что хочет еще пожить, поэтому одной столовой ложки вполне достаточно. Этим же черпаком Маруся полезла в сахарницу. Ее хозяйственность удручала. Желудок скручивали голодные спазмы, и Виктор решил отложить разбор полетов до конца трапезы. Взяв двумя руками невероятных размеров бутерброд и пытаясь откусить, он едва не вывихнул челюсть. По высоте шедевр в его широко открытый рот не вписался, поэтому пришлось, как хомячку, надгрызая эту хлебную башню, объедая по краям.

– Вкусно? – поинтересовалась Маруся, напрашиваясь на комплимент.

Виктор хмуро взглянул на нее, сосредоточенно работая челюстями. Вскоре чувство голода притупилось. Он так устал от поедания этого кирпича, что на второй бутерброд уже не решился. Отхлебнув кофе из огромной бадьи, Виктор поморщился. В кружке плескался отвратительный приторный сироп.

«Ладно, – подумал он, – со временем научится. Главное, чтобы старалась угодить».

А что, как не чувство вины, заставляет человека совершать несвойственные ему поступки, наступать на собственную гордость и изо всех сил пытаться угодить ближнему? Маруся была великолепным материалом: пресловутое чувство вины затопило бедняжку до самой макушки и плескалось в ее круглых глазах. Это был костер с вечным огнем, туда лишь изредка надо было подкидывать веточки.

Откинувшись на стуле, Виктор посмотрел на виновато сутулящуюся девушку:

– Кто тебя просил ходить к Веронике?

Тишина.

– Я вынужден был уйти из дома. Вернуться обратно я уже никогда не смогу.

Всхлип.

– Из-за тебя я попал в безвыходную ситуацию.

Маруся жалостливо шмыгнула носом и уставилась в окно.

– Мне даже ночевать теперь негде.

Как он и ожидал, она оживилась:

– Ты же можешь жить у нас.

– На каком основании? С какой стати? Комнату, что ли, снимать?

– Нет, – придушенно пискнула Маруся, – как мой жених.

Она в ужасе опустила голову и съезжилась, ожидая его реакции. Создалась какая-то вывернутая наизнанку ситуация. Вроде как она делала Виктору предложение и с трепетом ждала ответа. В мечтах все происходило иначе. Это Виктор должен был, красиво оформив официальное предложение руки и сердца, некоторое время помучиться в неведении: согласится ли любимая на столь серьезный шаг? И уж, конечно, это не должно было случиться в неприбранной кухне под гнетом неприглядных обстоятельств.

– Я так не могу, – процедил Виктор. – Да и родители твои вряд ли обрадуются.

– Я с ними поговорю, – залебезила Маруся. – Давай я познакомлю тебя с мамой. Мам! – завопила она на всю квартиру.

Валентина Макаровна, изнывавшая за стеной, примчалась едва ли не галопом. Она сидела, прижавшись ухом к стенке, но слышимость была отвратительная, можно было лишь угадывать, что они там говорят. От напряженного подслушивания у нее даже начала побаливать голова, так что Марусин вопль оказался очень кстати.

Ворвавшись в кухню, мама приветливо улыбнулась мгновенно подобравшемуся кавалеру и ласково пропела:

– Ой, у нас гости! А я задремала, не слышала...

Подразумевалось, что Маруся подхватит игру и представит маму жениху. Но отупевшая от смятения дочь даже не подумала помочь. Она лишь жалобно хлопала глазами и смотрела на мать, как голодный теленок.

– Мариночка! – Мама подошла к ней и слегка пихнула в спину. – Познакомь меня с молодым человеком.

Виктор не понравился Валентине Макаровне. Марусина любовь оказалась смазливый блондинистым красавчиком лет тридцати. Узкие плечи, ямочка на подбородке и влажные яркие губы. Под глазом претендента на руку и сердце красовался выразительный фингал, который мама долго и вдумчиво рассматривала с чувством глубокого удовлетворения. Неизвестная жена, похоже, от души потрудилась над гулякой. Не о таком зяте она мечтала, определенно не о таком!

Виктор, понимая, что невеста сейчас все испортит, вскочил, галантно заграбастал руку предполагаемой тещи для поцелуя, по-гусарски коротко кивнул и щелкнул пятками:

– Разрешите представиться, Виктор! А вы, вероятно, Мариночкина сестра. И скорее всего младшая...

Лесть была грубой и неприятной, особенно покорило Валентину Макаровну предположение о том, что она моложе Марины. Это было даже оскорбительно. Не подав вида, она позволила лобызнуть захваченную конечность и, приторно улыбаясь, проворковала:

– Валентина Макаровна, Маринина мама.

Разошедшийся жених опрометчиво развил тему, начав ахать и вздыхать по поводу ее редкостной красоты и молоджавости. У Валентины Макаровны возникло ощущение, что ее облили липкой душной патокой. Осталось лишь обвалить в перьях и отволочь на суд Линча. Ассоциация добавила негатива в ее отношение к новоявленному члену семьи, и она твердо решила любой ценой не допустить этого брака.

Виктору же предполагаемая теща очень приглянулась. Ласково обронив: «Ты б еще в кастрюли кофе налила», мама ловко накрыла стол заново, окончательно купив Виктора предложением пообедать.

Кормить отвратительного гостя она решила по одной простой причине: понимая, что в борьбе за счастье дочери все средства хороши, Валентина Макаровна намеревалась продемонстрировать абсолютную непригодность Маруси для семейной жизни. За дело она взялась профессионально. Спихнув дочь с табуретки, она села, закинув ногу на ногу, и проникновенно сказала:

– Мариш, я что-то неважно себя чувствую, похлопчи вместо меня. – И обратилась к Виктору: – Вы уж извините, Маруся у нас к хозяйству не приучена, мы посчитали, что учеба важнее. Вы согласны?

Тот утвердительно кивнул.

– А вы вместе учитесь? – пошла в наступление Валентина Макаровна.

– Нет, что вы, я давно работаю.

– Где?

– В закрытом НИИ, в лаборатории, – скромно улыбнулся Виктор.

Будучи парнем недалеким, он не сообразил, что подобной формулировкой можно сразить только неискушенную Марусю, которая воспринимала Виктора чуть ли не как героического советского разведчика. Валентина Макаровна сразу просекла ситуацию и приуныла. Она и сама работала в НИИ, соответственно прекрасно знала, что на работе парень решает кроссворды и треплет языком в курилке, за что и получает соответствующее денежное вознаграждение. Нет, она не была меркантильной, и новый русский в качестве зятя ее бы тоже не устроил, но нищий лаборант... Если бы он хоть человеком был хорошим, а тут такое ничтожество. Семья у них среднего достатка, заподозрить Виктора в корысти сложно, если только...

– А где вы живете?

Вопрос застал его врасплох и ударил по больному месту. Решив давить на жалость, Виктор наябедничал на Марусю, сообщив, что она учинила скандал с его женой, в результате чего он остался без крыши над головой.

– Но я не сержусь, – добавил Виктор, томно глянув на Марину, гремевшую тарелками. – Я люблю вашу дочь! – воскликнул он, проникновенно заглянув в глаза Валентине Макаровне и побуждая ее подхватить тему.

Не на ту напал! Ей стало ясно: мужик остался без жилплощади и пытается теперь обвинить во всем Марусю. Хотя дочь, конечно, приложила руку к этому делу.

– И какие у вас планы? – сурово спросила мама.

Виктор проворно сполз на пол, приняв коленопреклоненную позу, и, картинно взмахнув тощими клешнями, произнес:

– Я пришел просить руки вашей дочери. Мы любим друг друга.

– В подобных случаях принято приходить не с пустыми руками, – язвительно заметила Валентина Макаровна.

Маруся шкрябала половником по внутренностям пятилитровой кастрюли, исходящей паром и благоухающей только что разогретыми наваристыми щами, и напряженно вслушивалась в диалог, боясь повернуться.

– Вы намекаете на калым? – расслабился Виктор, решив, что мамаша шутит.

Намекала она как минимум на букет и торт, но не объяснять же это идиоту.

– Забудьте! – махнула она рукой. – Вы мне лучше скажите, куда собираетесь отнести руку и сердце моей дочери?

Половник выпал из рук Маруси и с грохотом ударился о тарелку, разбрызгав суп. Виктор ошалело заморгал, представив, что ему отдадут лишь требуемые части. Его передернуло от отвращения. Сразу вспомнилась недавняя передача, где ведущий, смакуя подробности, рассказывал про пойманного людоеда.

– Я не имел в виду...

– А у вас с чувством юмора плохо, – припечатала Валентина Макаровна. – И где вы собираетесь строить счастливую семью, ячейку общества, так сказать? На чьих квадратных метрах намереваетесь вить гнездо, а? – Она сурово посмотрела на жениха.

– Я планирую снять квартиру, – лихо соврал Виктор в надежде умаслить строгую мамашу невесты.

– Да? На какие, извините, шиши?

– Мама, – наконец-то встряла в диалог Маруся. – Как тебе не стыдно? Что за унижительный допрос? Если ты не перестанешь так с нами разговаривать, мы немедленно уйдем. Да, Витя?

Витя был абсолютно не готов уйти прямо сейчас от одуряющего аромата горячих щей.

– Мариша, мама желает тебе добра, – решил он заступиться за будущую тещу и слегка приподняться в ее глазах. – Она хочет быть уверена, что я смогу тебя обеспечить. Это совершенно естественно. Не вижу повода для конфликта.

Валентина Макаровна по-настоящему испугалась. Похоже, дочь абсолютно потеряла голову. Настроить ее против кавалера, продемонстрировав его финансовую несостоятельность, не получится. Словно отвечая на ее мысли, Маруся сообщила:

– Если хочешь знать, Витя работает над сверхсекретным государственным проектом, он скоро станет знаменитым, о нем напишут в газетах...

– А чего ж вы не на работе? – ехидно поинтересовалась мама, желая открыть Марусе глаза на его вранье. – Как же секретный проект-то без вас, сам по себе булькает, что ли?

– Я отгул взял, – мрачно сообщил кавалер, сообразив, что с мамой каши не сварить.

– Ты словно пытаешься его уличить! – воскликнула обиженная Маруся.

Валентина Макаровна совершенно отчаялась. Девочка жила на всем готовом и не понимала цены деньгам. Ей казалось, что продукты в холодильнике появляются сами собой, вещи стираются, гладятся и самостоятельно стайками слетаются в шкаф. Разумеется, у дочери нет опыта, но как найти в себе силы позволить родной кровиночке так ошибиться? Мужик, конечно, редкая дрянь. Единственное, что можно сделать, – это настроить его против Мариши. Но каким образом? Ясно, что ее несамостоятельность Виктора абсолютно не волнует. Она тоскливо посмотрела на Марусю, которая, нелепо вывернув руку с половником, разливала щи по тарелкам. Суп небольшими водопадиками изливался с высоты примерно полуметра, орошая все вокруг жирными брызгами. Дочь попыталась взять тарелку и ойкнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.